Oriental Studies, 2020, №2, P. 405-421 https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421
Published: March 1, 2020

Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна
Кандидат культурологии, доцент кафедры технологии и предпринимательства Тувинский государственный университет
Майны Шенне Борисовна
Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкий научный центр РАН

Abstract

Цель статьи — анализ социокультурных функций свадебной обрядности тувинцев как фактора, определяющего и отражающего традиции социальных связей в этнической общности. Задачи: рассмотрение исторической ретроспективы (с рубежа XIX–XX вв. и на протяжении всего XX в.) и современного состояния обряда. Материалы и методы. Источниковой базой работы выступили опубликованные сведения и заключения по свадебной обрядности прошлых периодов, а также авторские полевые материалы и наблюдения проведения тувинских свадеб в 2000-е гг. Для анализа современного состояния также представлено детальное описание полного цикла свадебной обрядности современных тувинцев и их свадебной церемонии 2019 г., прошедшей в г. Кызыле. Методологический подход — социокультурный анализ свадебной обрядности и функций, которые они выполняли и выполняют в социальной жизни. Результаты и выводы. Научная изученность тувинских свадеб ведет отсчет с конца XIX в. и включает в себя значительное число исследований этнографов, социологов, культурологов, направленность которых соответствует общим этапам работ тувиноведения в течение XX–XXI вв. Самым значительным можно назвать детальное описание обрядности и определение ее места в традиционной культуре. В статье впервые объединены имеющиеся выводы исследователей, представлена общая эволюция изменений социокультурных функций. Свадебная обрядность тувинцев в разные периоды, с конца XIX в. до нынешнего времени, рассматривается как: 1) традиционная обрядность для укрепления семейных связей разных родо-племенных групп и решения экономических задач оптимального ведения хозяйства, 2) обрядность для социальной легитимизации, согласно советской политике уравнивания прав мужчин и женщин, в условиях неолокальности проведения обрядов, 3) современная обрядность для социальной

презентации, представляющая собой соединение самых разных традиций, новаций и заимствований, содержащая значительное число проблем (излишняя театрализация, значительные расходы на проведение, соревновательность сторон родственников, расточительство дарами и пр.).

Keywords: тувинцы, Тува, традиционная обрядность, свадебный обряд, свадьба, тувинский язык, неотрадиционализм, куда, тувинская культура, вестернизация

Введение

Свадебная обрядность представляет собой один из интереснейших элементов традиционной культуры тувинцев, подвергшейся за век (с начала XX до начала XXI вв.) значительным изменениям. Как и в целом традиционная обрядность этнических культур, за это время она менялась вместе с общими социокультурными трансформациями: из ее состава исчезали одни элементы, меняли значение другие, появлялись новые, которые вытесняли старые и пр. При этом, будучи стереотипизированной формой массового поведения, она выполняла определенные социокультурные функции — выступала средством для установления и поддержания социальных отношений и связей.

Несмотря на значительную изученность, свадебная обрядность тувинцев, как и других народов, тем не менее, остается интереснейшим объектом для исследования по трем важным причинам. Во-первых, за прошедшие два десятилетия глобализация и вестернизация также не могли не затронуть формы проведения этого обряда и это влияние еще не рассматривалось в должной мере, в том числе с учетом предыдущих значительных перемен, произошедших в этнической культуре. Во-вторых, научное знание постоянно обогащается новыми исследовательскими подходами, использование которых позволяет получать интересные результаты или оценивать уже полученные иначе. Кроме того, социальная практика нуждается в знаниях об особенностях свадебных ритуалов, в том числе традиционных форм. В-третьих, социокультурные функции свадебного обряда тувинцев еще недостаточно изучены.

Этими обстоятельствами определяется актуальность дальнейших исследований свадебной традиции тувинцев. Мы представим социокультурный анализ свадебной обрядности на протяжении всей истории ее изученности — с конца XIX в. до настоящего времени. Целью статьи является анализ социокультурных функций свадебной обрядности как фактора, определяющего и отражающего традиции социальных связей в этнической общности. Для этого мы последовательно решим ряд задач: мы обратимся к исторической ретроспективе и современному состоянию обряда, опираясь на научную литературу по теме и на материалы собственных наблюдений,

привлекая примеры из свадеб тувинцев, в которых мы принимали участие в 2000-е гг.; кроме того, дадим подробное описание одного цикла свадебной обрядности тувинцев 2019 г.

Научное изучение тувинской свадебной обрядности

История изучения тувинского свадебного обряда, как и в целом тувинской этнической культуры, ведет отсчет с конца XIX в., когда в Урянхайский край (прежнее название Тувы) стали проникать путешественники, исследователи, в том числе по заданию российских властей, Академии наук, с целью изучить обычаи местного населения. Этот этап мы можем условно назвать собирательским (первый этап), как характеризуется в общем этот этап в истории тувиноведения.

Тувиноведение прошло значительный путь обогащения сведениями, систематизации, пополнения профессиональными кадрами, в том числе за счет ученых из числа местного населения — тувинцев [Бичелдей 2009; Ламажаа 2010]. В этом вековом развитии научного знания о тувинской культуре для нас интересен тот факт, что социальное и гуманитарное знание, будучи само социальным продуктом, отражало разные позиции в отношении к изменениям в культуре, в обрядности.

На первом этапе имеются упоминания в научной литературе сведений о всевозможных обрядах тувинцев, свидетелями которых были: М. И. Райков, В. Ф. Ладыгин, А. М. Африканов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Ф. Катанов, Е. К. Яковлев, Ф. Я. Кон и др. Они давали разрозненные описания свадеб, отдельных элементов этого обряда, свадебной одежды [Райков 1898; Ладыгин 2003; Африканов 1890; Грумм-Гржимайло 2007: 591-597; Катанов 2011; Яковлев 2007; Кон 2007].

Так, о примерном возрасте брачующихся, об основных правилах сватовства и размере калыма пишет В. Ф. Ладыгин [Ладыгин 2003: 54-55]. В этнографическом обзоре жизни тувинцев Е. К. Яковлев описывает также брачные нормы, формы брака и свадебные процедуры [Яковлев 2007: 238- 241]. Он отмечает главную роль сватов в церемонии, описывает порядок их общения с новыми родственниками, называет размеры приданого невесты, порядок свадебного пира, игры [Яковлев 2007: 239-240].

Но более обстоятельное описание свадебного обряда тувинцев и того, что к нему относится, можно найти в книге Ф. Я. Кона

«Экспедиция в Сойотию», посвятившего теме женщины, брака и семьи отдельную главу [Кон 2007: 429-437]. Автор поделился наблюдениями о добрачных отношениях, о приданом и брачном возрасте. Он перечислил этапы свадебного обряда, начиная от сватовства — «турдэр» (дукдээр, дукдээт- кин) и далее: обряд отрыва невесты от рода, взаимное одаривание, игры во время свадебного пиршества и др. Ф. Я. Кон не обошел стороной наблюдения предшественника Е. К. Яковлева, попутно полемизируя с ним, подтверждая информацию или опровергая [Кон 2007: 433-434].

В целом, описания не были систематизированы, показывали разрозненные сведения. Тем не менее они чрезвычайно важны, поскольку дают ценную этнографическую информацию и свидетельства обычаев тувинцев начала XX в.

В советское время свадебные традиции рассматривались авторами как часть культуры, уходящей в прошлое. При этом укреплялись этнографическое изучение традиционных образцов свадеб и свадебных ритуалов и их аналитическая составляющая (второй этап). В 1961 г. выходит работа С. И. Вайнштейна «Тувинцы-тоджннцы», где автор представил материалы о брачно-семейных отношениях тувинских оленеводов и скотоводов Тоджннского района [Вайнштейн 1961: 135-141].

В монографии Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» 1969 г. есть материал о свадебной обрядности в западных и южных районах Тувы [Потапов 1969: 228-276].

Если одни авторы фиксировали обрядность как ценный исторический источник, другие обращались к теме трансформации свадебной обрядности, к теме изменений — в сторону улучшения, прогрессивности перемен, как того требовали политические установки, тем самым рассматривая свадебную обрядность как социокультурное явление. Так, С. М. Бичеоол писала о бесправии женщин, о том, что их насильно выдавали замуж [Биче-оол 1970: 34-35]. А позже в диссертации 1974 г. [Биче-оол 1974] исследователь особое внимание уделила теме изменений, нового в оформлении брачных отношений, новых праздников и обрядов [Биче-оол 1974: 136-154].

Данная диссертация стала первым специальным исследованием традиционных брачно-семейных отношений тувинцев, а также свадебной обрядности в тувиноведении, и что для нас важно — первой, в которой рассматривались взаимосвязи культурных традиций и социальных изменений. Другими словами, работа сочетала в себе историко-

этнографический подход с социокультурным. Поскольку как этнографическое исследование диссертация долгое время оставалась наиболее полной и не утрачивающей ценности, спустя много лет С. М. Биче-оол стала готовить текст к изданию, редактируя и уточняя. К сожалению, она не успела завершить эту работу (ушла из жизни в 2012 г.), но ее коллеги по Тувинскому институту гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, сохранив авторский текст и редакцию, в том числе по теме трансформаций в советское время, издали в 2018 г. книгу в память об исследователе [Биче-оол 2018].

Постсоветское время с освобождением социального и гуманитарного знания от идеологических требований определило иное отношение к свадебной обрядности. Тувиноведение, базирующееся прежде всего в Туве, заговорило об утратах традиций (третий этап). При этом старые традиции стали определяться как истинные, правильные, а советские и иные — как то, что было наносным, чужеродным и неправильным. Выполняя социальные задачи по реконструкции старых форм, научное знание стало активно изучать старые формы обрядов, в том числе обращаясь к обрядности тувинцев, проживающих в Монголии и Китае, поскольку у них обнаружилась лучшая сохранность древних традиций [Юша 2018: 210-277; Айыжы 2005].

Большой знаток тувинской традиционной культуры М. Б. Кении-Лопеан в своей книге, посвященной традиционной обрядности, описал в том числе и свадебные обряды [Кении-Лопсан 2006: 22-33].

Культуролог А. К. Кужугет показала связь свадебных обрядов тувинцев с древними мифологическими представлениями [Кужугет 2006: 98-102].

Рассматривались и отдельные аспекты традиционной свадебной обрядности: свадебные наряды тувинцев [Сиянбиль М., Сиянбиль А. 2000: 22-32; Ховалыг 2018: 131-142], стихотворно-афористические формы, которые использовали стороны брачующихся [Курбатский 2001: 194-209] и др.

В исследованиях этого периода выделяется важная для нашего ракурса брошюра С. Ч. Донгак «Тыва куда ёзулалдары. Традиции тувинской свадьбы» [Донгак 2011; Донгак 2012], в которой этнограф не только обобщила традиции свадеб, но и отметила проблемы современных обрядов и церемоний.

В целом, вся совокупность упомянутых публикаций дает нам детальное описание свадебной обрядности тувинцев и возможность рассуждать о ее месте в традиционной культуре. Зафиксированные традиционные формы свадебной обрядности тувинцев, а также ее современное состояние, которое мы наблюдаем в последние годы, позволяют нам утверждать о том, что свадебная обрядность тувинцев претерпела значительные изменения. В ходе этой эволюции менялось содержание ее социокультурных функций. С большой долей условности мы можем выделить три направленности ее социокультурных функций и рассматривать свадебную обрядность в разные периоды как: 1) обрядность для укрепления семейных связей, 2) обрядность для социальной легитимизации, 3) обрядность для социальной презентации.

Свадебная обрядность для укрепления семейных связей

Полная схема традиционной свадебной обрядности включает три комплекса действий: предсвадебные ритуалы, саму свадьбу и послесвадебные действия [Юша 2018: 210]. При этом, поскольку для тувинцев был характерен брак сватовством [Биче-оол 2018: 48], предсвадебные ритуалы имели огромное значение и были многоэтапны, особенно если начинались с уруг демдек- тери — колыбельного сговора (распространенного наряду со сватовством с пубертатного возраста, когда сватали с 10-12, либо с 13-14 лет [Биче-оол 2018: 70]).

Поскольку работа С. М. Биче-оол, как мы показали в предыдущем обзоре, является наиболее полной по проблематике традиционной свадебной обрядности, далее основные этапы обрядности и ее характеристики мы приведем, преимущественно опираясь именно на ее работу [Биче-оол 2018], дополнительно привлекая мнения других авторов.

По мнению С. М. Биче-оол, колыбельный сговор совершался, как правило, между людьми, хорошо знавшими друг друга, дружившими, которые стремились закрепить дружбу родственным союзом своих детей [Биче-оол 2018]. Сватовством занимались родители, было не принято и даже считалось неприличным, если о желании жениться заговаривали сами молодые люди [Биче-оол 2018: 70].

В свадебной обрядности С. М. Биче-оол выделяет следующие обряды:

- уруг демдектери — обряд начала сватовства,
- суй белек тудары, аас белек тудары — заключение фактического брачного сватовства,
- тай бузар — начало знакомства родственников с обеих сторон,
- дукдээшкин — объявление невесты невесткой, установление родства сторон (кудашкылар),
- уруг бээри — куда, выдача девушки и пиршество [Биче-оол 2018: 69].

Обряд суй белек тудар, или аас белек тудар (сунар), — обряд преподношения подарка; имел варианты названия в зависимости от района Тувы. Это было первое сватовство, когда будущему жениху исполнялось 9-10 лет, и родители жениха изначально совершали обряд устного испрошения, устного сговора (суй белек тудар). Актом одаривания (ас белек тудар) это стало позже, в конце XIX — начале XX в. [Биче-оол 2018: 49-50]. Здесь исследователь называет, что именно готовили родители мальчика в качестве дара: заколотых баранов, араку, продуктов ые мешки. Стороны договаривались о следующем этапе сватовства, а родители девочки начинали готовить для нее приданое [Биче-оол 2018: 54].

Если первые два обряда представляли собой установление договоренностей между родителями, то следующий — шай бузар ‘разбить чай', или шай бузуушкуну ‘разбивание чая', — уже выполнял общественные функции, начинал налаживание связей между родственниками с двух сторон. Когда мальчику исполнялось 12-13 лет, его мать, ранее не принимавшая участие в сватовстве, ехала знакомиться с родителями девочки, заготовив всевозможные подарки. Заранее распиленные на части плитки чая мать мальчика раскалывала на части и раздавала вместе с табаком [Биче-оол 2018: 54-55]. Как подчеркивает М. Б. Кении-Лопсан, этот обряд означал, что у девушки теперь есть будущие свекор и свекровь [Кенин-Лопсан 2006: 25]. А. К. Кужугет к этому обряду добавляет традицию временного переплетания кос жениха и невесты, а также обычай чырык ызырчыр или чырыктажыр (невеста прикусывала кусок баранины, а жених выхватывал его губами, показывая, как она будет оторвана вскоре от своей семьи) [Кужугет 2006: 99].

Далее следовал обряд у ругну ii сай чаъ- жын чарып дугдээр ‘разделить девичьи волосы, косы', или дугдээшкин. К этому моменту обычно завершались приготовления приданого 14-15-16-летней девушки. Родители девушки готовили юрту в своем аале, одежду на все сезоны, мебель, седла, войлок, ковры, постельные принадлежности, посуду, свадебный наряд и украшения. В их аал в день обряда приезжали близкие и дальние родственники, которые также готовились принять родственников жениха. Девушке заплетались три косы, надевались украшения, свадебные уборы баштацгы и думаалай ‘покрывало'. Приезжали родители юноши, он сам и их родственники с подарками, скотом. Родственницы отца жениха расплетали три косы девушки, расчесывали, заплетали уже две косы, прикрепляли на конец соединенных кос чавага — украшение ее матери, означающее замужнее положение женщины [Биче-оол 2018: 55-61]. Пиршество длилось 2-3 дня. Жених после этого оставался в аале невесты несколько дней, отец невесты дарил ему лучшего коня из своего табуна, и его принимали на правах родственника. Молодые фактически начинали супружескую жизнь [Биче-оол 2018: 62].

Затем жених возвращался к своим родным, а сторона невесты обычно 1-2 недели ждала сообщения из его аала о готовности принять невестку в тот аал. В аале жениха и проходило пиршество по поводу уруг бээри ‘выдать девушку' — куда, куда шайлашкы- ны. Как пишет С. М. Биче-оол, день и время куда назначались по совету лам [Биче-оол 2018: 63], а М. Б. Кенин-Лопсан напоминает, что до принятия буддизма тувинцы обращались к шаманам и гадателям по бараньей лопатке [Кенин-Лопсан 2006: 27].

Свадебная делегация невесты и ее родственников встречалась с родными жениха в двух-трех местах в пути — на перевале, на берегу реки рядом с бродом или переправой и уже возле самой стоянки. Во время этих встреч затевались игры-соревнования. На стоянке уже должна быть поставлена юрта для молодой семьи. Гостей встречали, провожали в юрту родителей жениха, при этом невесту вел персонаж, называемый аскак кадай ‘хромая женщина', роль которой играл мужчина или женщина (подробнее об этом ритуале см.: [Биче-оол 2018: 65; Кенин-Лопсан 2006: 29]). Аскак кадай, совершая по пути ритуальные действия, вводила невесту в юрту для благословения, которое произносили родители жениха. М. Б. Кенин-Лопсан считает, что

обряд благословения занимает самое значимое место в свадебной обрядности [Кенин-Лопсан 2006: 30].

Сама свадьба разворачивалась в юрте молодоженов, куда все перемещались и где собиралось много нарядно одетых людей, раздавались угощения, наливалась молочная водка арака (строго в ограниченных объемах соответственно возрастам). Пиршество продолжалось на следующий день, сопровождалось играми, песнями, конными скачками молодежи. Вечером старшие родственницы молодой жены представляли ее приданое. Этот заключительный акт свадьбы назывался санаашкын ‘подсчет' [Биче- оол 2018: 67]. Родные девушки уезжали на третий день.

Особо следует отметить тему терминологии. Как пишет сама С. М. Биче-оол, назвать последний обряд свадьбой можно с определенной долей условности, потому что фактически обрядом заключения брака является все же дугдээшкин, но в виду того, что браки тувинцев носили характер патрилокальных (от лат. pa ter ‘отец' и localis ‘местный'), т. е. знаменующих начало проживания супругов в аале мужа, все же дугдээшкин в этой системе правил рассматривался как символический акт [Биче-оол 2018: 69].

В течение года молодая жена не должна была навещать своих родных, напротив, совершая с мужем поездки к его родственникам, она могла знакомиться с ними и устанавливать родственные отношения. Только после этого пара могла навещать и родных жены [Биче-оол 2018: 68].

Эти церемонии были преобладающими для всех групп тувинцев с некоторыми районными вариациями [Биче-оол 1974: 116].

Однако на конец XIX — начало XX в. С. М. Биче-оол фиксировала три вида заключения брака: 1) когда после обряда д угдээш- кин невесту, не задерживая в родном аале, перевозили в аал мужа; 2) когда невеста-жена задерживалась в своем аале в ожидании укомплектовки приданого; 3) когда люди просто начинали вместе жить — а/іаа олур- жут алган улус [Биче-оол 2018: 115]. Причинами отхода от строгих правил традиционной обрядности автор называет экономические условия [Биче-оол 2018: 115].

В целом мы видим, что традиционная свадебная обрядность выполняла задачи не только соединения молодых людей, создания нуклеарной пары, но и задачи установления и развития связей между семьями с обеих сторон. Само заключение брака решало определенные экономические задачи: сватали девушек хозяйственных, умелых, работящих, полезных для ведения

хозяйства, которые могут также рожать и увеличивать число трудовых рук. Несмотря на то, что свадьбы были праздниками для большого числа людей, в первую очередь это было делом семейным, родственным, хотя сам выбор мог и не основываться на личных решениях брачующихся (именно поэтому отдельным сюжетом многие исследователи также отмечали протесты выданных насильно замуж девушек, их побеги с любимыми и пр.).

Свадебная обрядность для социальной легитимизации

В 1930 г. правительство Тувинской Народной Республики в связи с решением VIII съезда ТНРП 1929 г. издал закон «О браке, семье и опеке», в котором в том числе была запрещена насильственная выдача замуж несовершеннолетних, введена регистрация брака, гарантировались гражданские и имущественные права супругов [Биче-оол 2018: 123]. С этого времени, как пишет С. М. Биче-оол, увеличилось число браков типа анаа олуржуп алган улус ‘просто вместе осевшие люди', но уже не в силу экономической несостоятельности, а для представления гражданственности брака, равноправия супругов. Эта форма брака характеризовалась неолокальностью, когда молодые люди, уехавшие от родных в столицу республики на учебу или работу, принимали решение о женитьбе вдали от своих родственников. Новшество стало распространяться и в районных центрах Тувы [Биче-оол 1974: 136-137].

В отдаленных хошунах и сумонах тувинцы продолжали оформлять брак по традиции, но с постепенным исчезновением предварительных обрядов. Как писала об этом С. М. Биче-оол в 1974 г., «первые три церемонии обрядов как патриархально-феодальные пережитки были изъяты аратским населением» [Биче-оол 1974: 137].

В качестве изменившихся в советское время обстоятельств автор также называет: место знакомства молодых, мотивацию выбора супруга, распространение межнациональных браков (при этом превалировали браки мужчин-тувинцев с русскими и женщинами других национальностей), возраст брачующихся; потерю значения дарственных преподношений в виде скота и исчезновение выкупного характера сватовства [Биче-оол 1974: 138-141].

Свадебная обрядность советского времени исследователем описывается следующим образом. Сначала идет первое сватовство старших родственников, друзей жениха к родителям невесты (предварительно давшей согласие молодому человеку), на котором обе стороны обсуждают вопросы женитьбы и устройства свадьбы молодых. Здесь стороны оговаривают время на подготовку, приблизительно назначают день свадьбы. До назначенного дня свадьбы родные жениха снова приезжают к будущим родственникам, чаще всего приурочивая этот приезд к моменту перевоза приданого невесты. Церемония уже не называется шай бузар, однако суть ее осталась прежней: сторона жениха привозила чай, табак, подарки и одаривали родственников девушки [Биче-оол 1974: 142].

Приданое невесты стало составлять теперь предметы городской мебели, домашней утвари — обеспечение дочери всем необходимым в доме осталось важным для родителей. Отпала необходимость готовить для невесты юрту: теперь молодые люди сами заботились о жилище, получая квартиру, например, по месту работы. Появилась тенденция общими усилиями обеих сторон строить дом для молодежи. Хотя наличие скота для молодоженов, проживающих в поселках, играло существенную роль, исследователь отмечает, что включение скота в качестве приданого уже не практиковалось [Биче-оол 1974: 143-144].

Свадьба проводилась в доме жениха: зимой — внутри дома, летом — во дворе. Особых церемоний встречи невесты уже не проводилось. До тех пор бытовали гостевые выезды молодых к родственникам, но уже без запретов для молодой жены в отношении своих родных [Биче-оол 1974: 144]. Новшеством стала регистрация брака в документальном виде в органах ЗАГСа. Но оформление брака как юридического акта молодые супруги осуществляли после свадьбы и в большинстве случаев после появления детей [Биче-оол 1974: 145-146].

Подчеркивая прогрессивность изменений, С. М. Биче-оол отмечает также отрицательные проявления отхода от традиционности: проведение свадеб в замкнутых кругах родственников сопровождалось рецидивами прошлого, когда происходила принудительная выдача замуж молодых женщин за мужчин значительно старше их. Также свадьбы превращались в пьянки [Биче-оол 1974: 147]. Поэтому важным исследовательница, вслед за руководством партийных организаций, считала внедрение в быт новых обрядов и церемоний, прежде всего комсомольских свадеб,

распространившихся в середине 1960-х гг. Отличительной особенностью таких свадеб являлось участие в них представителей организаций, в которых работали молодожены, что превратило свадьбы в общественно-значимое и гражданское явление [Биче-оол 1974: 148]. Таким образом, автор поддерживала «инициативу творческого осмысления традиционных обрядов, использование их положительных черт с прогрессивными новаторскими внедрениями, обусловленными советской действительностью» [Биче-оол 1974]. Один из таких обрядов, который С. М. Биче-оол приветствовала и рекомендовала выделять как торжественный, — регистрация брака в органах ЗАГС. Она предлагала его назвать бадыланышк ын и дала описание сценария [Биче-оол 1974: 149].

По мнению С. М. Биче-оол, высказанному тогда же в 1974 г., «в настоящее время тувинские свадьбы проводятся на уровне, соответствующем нашей действительности, и имеют характер настоящего праздничного торжества» [Биче-оол 1974: 150-151].

Из ушедшей традиционности она лишь отметила использование некоторых национальных элементов: вречение подарков молодоженам на ха<)аках (шелковых шарфах) с произнесением благопожеланий, преподнесение им ак чем (белой пищи) — молока — в пиалах, а также свадебный хоровод вокруг дома с осыпанием его цветами (раньше был обход юрты с обливанием водой и осыпанием зерном). Все это, по ее мнению, придает свадьбе весьма эмоциональный колорит [Биче-оол 1974: 151].

Опираясь на наши наблюдения, в том числе и участие в свадьбах наших родственников, собственных свадьбах в Туве в поздние советские годы, мы можем отметить, что, действительно, традиционность стала уменьшаться. Еще одним новшеством, которое распространилось уже после исследования С. М. Биче-оол 1970-х гг., стало также проведение свадеб в местах общественного питания — столовых, ресторанах. Сватовство перестало быть церемониалом, к которому готовились долго и тщательно, подбирая подарки для всех родственников. Родители жениха даже могли приезжать к родителям невесты с небольшими гостинцами (с бутылкой шампанского, водки, букетом цветов). Свадьбы проходили в основном стандартно, как во всем советском пространстве, в том числе с европейскими одеяниями жениха (строгий костюм) и невесты (белое платье с фатой).

В целом, трансформация свадебной обрядности стала следствием значительных перемен в условиях жизни тувинцев, связанных с урбанизацией, образованием населения, изменением рынка труда и сфер деятельности. Изменения коснулись не только форм, но и функций обряда. В XX в. тувинские свадьбы уже проводились на основе внедрявшейся политики равноправия мужчин и женщин как самостоятельный выбор молодых, а также стали выполнять функции прежде всего общественной легитимации.

Современная свадьба тувинцев

Всплеск интереса общества к традициям, проявившийся в период возрождения национальной культуры в 1990-е гг., в том числе отразился и на свадебной обрядности. Тем не менее, это не означало возвращения полного «цикла» обрядности, а скорее выразилось лишь в некоторых внешних формах. К тому времени к самой свадебной церемонии добавились торжественная регистрация брака в ЗАГСе, которая позже стала не столь обязательной, а также свадебный кортеж, украшение свадебного помещения, фото- и видеосъемка. После распространения в Туве, как и по всей стране, процессов вестернизации свадебная обрядность получила новые заимствования.

К сожалению, мы не имеем достаточно материалов и публикаций по тому, как и когда в свадебную обрядность тувинцев вводились те или иные изменения, новации на протяжении почти трех десятков лет, от начала 1990-х гг. до 2019 г., которые зафиксированы нами в описании ниже. Однако становятся очевидными определенные тенденции изменений, о которых мы упомянем чуть ниже.

Чтобы проанализировать картину современной свадебной обрядности тувинцев, рассмотрим ее на примере одного полного цикла свадебного обряда, участником которого была одна из авторов данной статьи в 2019 г.[1]

Молодая пара из рода монгушей (жених) и хомутку> (невеста) 3 года жили в гражданском браке (что в тувинской терминологии выражается фразой аііаа олуржуп сілгст улус), затем расписались без церемоний в ЗАГСе в 2015 г., воспитывали двух сыновей. Жених — младший сын семьи Монгуш из г. Чадаана (Дзун-Хемчикский район), невеста_—_тоже_младшая дочь семьи

1. Согласие на использование этой информации для научного исследования и публикацию отдельных сведений от организаторов свадьбы получено

Хомуш- ку родом из с. Алдын-Булак Барун-Хем- чикского района. Он — разве дчик-ради- отелефонист, она — медицинская сестра. Познакомились самостоятельно, сами приняли решение о совместном проживании, зарегистрировали свой брак. Проживают в г. Кызыле, в построенном самими доме.

Сегодня регистрация брака в ЗАГСе далеко не всегда бывает привязана к самой свадьбе. Также порой молодая семья предпочитает расписаться без пышных торжеств, чтобы не тратиться на них, однако под давлением родни впоследствии все же бывает вынуждена организовывать свадьбу. Для многочисленных родственников-тувинцев «легализация» положения молодой пары закрепляется прежде всего обрядом с участием большого числа участников, поэтому старшие или сами его устраивают или уговаривают молодых его провести, и мало кому из молодоженов удается избежать этого. Соответственно, далее мы так и будем их называть женихом и невестой, несмотря на то, что фактически они были уже мужем и женой.

В 2015 г. родственники жениха ездили знакомиться к родственникам невесты. Со стороны парня были его мама, старший брат и тетя (отец умер, когда сыну было 3 года). Визит был по предварительной договоренности, гости привезли с собой белые хадаки, сладости, фрукты, тувинский чай, алкоголь. Со стороны девушки их встречали близкие родственники, тети и дяди — всего пятнадцать человек. Эта процедура самими участниками называлась келин айтырары ‘спрашивание невестки’, тай бузары ‘разбивание чая’.

На этой встрече были оговорены сроки официального сватовства, в котором предполагалось участие значительного числа родственников с двух сторон, а поскольку стороны в последние годы предпочитают проводить это мероприятие в кафе или ресторане, то принимающая сторона (невесты) должна была приготовиться к соответствующим затратам. Сторона жениха также настраивалась на расходы на подарки родственникам невесты, причем сообразно степени родства. Поэтому на встрече обсуждался обмен списками родственников, которые прибудут на это сватовство: чтобы посчитать количество мест для заказа застолья и количество разных подарков.

Официальное сватовство было названо чолдак куда ‘короткая свадьба', и оно в том числе предназначалось для тех родственников невесты, которые не могли присутствовать на самой свадьбе по разным причинам. Чолдак куда состоялся 12 августа 2019 г. в селе Алдын-Булак, в доме родителей невесты.

Интересно то, что дата куда (свадьбы) — 16 августа 2019 г. — уже была определена ранее, за год до этого, когда сами брачующиеся обратились к буддийскому астрологу с просьбой указать благоприятный день. Они же выбрали и ресторан в г. Кызыле, заранее забронировали в нем дату и внесли предоплату. Так, за организацию и финансовую сторону проведения свадьбы отвечали сами молодожены. При этом, поскольку они не имели достаточной суммы, но не хотели просить у родных, также небогатых людей, они взяли кредит в банке на существенную сумму — 300 тыс. руб. сроком на 2 года, которая была добавлена к накопленным средствам (200 тыс. руб.).

Помимо оплаты банкета, статьи расходов также включали: пригласительные для гостей, оплата работы тамады, фотографа, оператора, парикмахера, визажиста, артистов, стоимость свадебных нарядов, аренда машин, в том числе свадебного лимузина.

Еще зимой 2019 г. были розданы 250 приглашений на свадьбу: 100 — родственникам невесты, 100 — родственникам жениха, т. е. поровну, а также 50 — коллегам, друзьям, одноклассникам молодых. Для церемонии был назначен распорядитель пиршества — тамада (не просто заимствование из грузинского языка, но и в целом заимствованный персонаж не только для свадебных, но и для других церемоний с застольями). Молодожены нашли его в социальной сети «ВКонтакте» (самой популярной в Туве), в группе «Тамады Тувы». Обязательные требования к тамаде были следующие: профессионал (актер), чисто говорящий на тувинском языке. В Кызыле уже есть очень популярные профессионалы — свадебные тамада, график которых расписан на год вперед. Также были заказаны фотограф и видеосъемка. В день свадьбы утром к невесте были заказаны парикмахер, визажист, которые сделали ей прическу, нанесли макияж. Свадебное платье невесты обошлось в 30 тыс. руб., а костюм жениха — 18 тыс. руб. (порой молодожены арендуют наряды, но не в данном случае, хотя стоимость свадебной одежды была довольно высокая для семейного бюджета).

Несмотря на то, что жених и невеста проживали вместе в столице республики, из-за того, что девушка была родом из отдаленного района, ее прибытие на куда должно было быть связано с прохождением пути, показывающим символическое пересечение определенных вех пространства[2]. Поэтому после приготовлений нарядная невеста утром была увезена родным

2. См. калмыцкий пример: [Шараева 2019].

братом жениха в этнокультурный центр «Алдын-Булак», вблизи г. Кызыла, где в последние годы стало модным проводить различные праздничные семейные мероприятия. Туда в условленное время приехал жених на украшенной шелковыми лентами машине в сопровождении друзей также на автомобилях.

Подружки и коллеги-женщины невесты, которые заранее сшили (самостоятельно по своему крою или заказали в ателье) платья розового цвета из ткани, приобретенной новобрачной для всех, устроили жениху испытания, требовали выкуп. Например, они задавали загадки, просили спеть песню о любимой, сочинить стихи про тестя каты и тещу кат-иези, заставляли выпить три литра сока и т. д. В последние годы известны также случаи, когда на свадебном пиру друзья невесты могут организовывать кражу невесты, требуя выкуп от жениха. Обычно жених «откупается» алкогольными напитками, сладостями. Молодого человека могут «испытать» еще следующим образом: наливают в туфельку невесты шампанское и заставляют выпить у всех на виду.

Успешно выполнив все задания выкупа, наш жених получил доступ в юрту, где его ждала невеста. Здесь брачующиеся с друзьями участвовали в фотосессии, параллельно велась видеосъемка. Затем свадебный кортеж отправился в город, где остановился несколько раз у главных достопримечательностей Кызыла: буддийского храма Це- ченлинг, скульптурного комплекса «Центр Азии». При этом остановка у хурээ Цеченлинг была обязательной. Молодожены обошли храм, зашли внутрь помолиться у изображений буддийских святых, зажгли и установили свечи на счастье.

Наконец, кортеж приехал к месту банкета — к ресторану, где их уже ждали приглашенные гости. Жениха и невесту, о приезде которых объявил тамада, встречали торжественно: с музыкой, аплодисментами, специальными встречающими. Это были, во-первых, мама жениха с пиалами с чаем, а, во-вторых, артисты Тувинского национального театра музыки и танца «Саяны» — с хадаками. Их приглашение на свадебные торжества стало распространенной практикой в Кызыле. Артисты встречают приветственным танцем, а также заполняют своими танцевальными номерами паузы в течение всей церемонии.

Прозвучал вальс Мендельсона. Молодожены обменялись перед зрителями золотыми кольцами, приобретенными специально для этого дня. Тамада пригласил их за отдельный нарядный стол, ближе к сцене. Список людей, которым необходимо было

предоставить слово на свадебном торжестве, и порядок их выступлений оговаривается с тамадой заранее. Тем не менее, поскольку за столики усаживались семьями и родами, в начале церемонии ведущий также огласил, какие семьи из каких родов и мест присутствуют.

В ресторане на красиво сервированных столах были расставлены овощные нарезки, салаты, холодные закуски (рыбное, мясное, сырное ассорти). Сервировку дополняли всевозможные напитки — как безалкогольные, так и алкогольные: в кувшинах, бутылках, рядом с фужерами. В свадебном меню обычно бывают различные блюда как европейской, так русской, а также тувинской кухни. Официанты также периодически разносили подносы с молочным тувинским чаем.

Первым для выступления был приглашен старший мужчина со стороны жениха — дядя. Он произнес сочиненные им самим благопожелания — йорээл, зачитав текст с листа. Желал счастливой жизни, долголетия, крепкого здоровья и, конечно, еще много детишек. Далее вышла мама жениха с поздравлениями и благопожелани- ями. Она объявила о подарках новым родственникам: отцу невесты — ужа (бараний курдюк), маме и сестре невесты — собственноручно связанные шали, невестке — золотые серьги и браслет (золотые изделия в качестве подарков вошли в традицию в позднесоветское время), внукам — велосипед и планшет. И открыла так называемую «кассу» — счет денежных даров для молодой семьи, заявив о своем первом вкладе — 50 тыс. руб.

Вся церемония затем представляла собой череду выступлений представителей разных сторон родственников, друзей, коллег, которые начинали с указания о том, кем они приходятся молодым, желали им счастья и объявляли о своих подарках, большую часть из которых сразу передавали из рук в руки, а некоторые только называли (в основном, тяжелые предметы, количество голов скота).

Родные невесты также представили свои подарки: жениху — золотая цепочка, невесте — букет цветов от отца, швейная машинка от сестры; родственникам жениха — 6 ужа с хадаками. От семьи Хомутку молодая семья получила более 160 тыс. руб., собранных всеми родственниками невесты во время обряда сели ктетір (общего сбора родственниками приданого невесты). Молодым для дальнейшего выращивания подарили (назвали) 2 телят, 2 коров, 20 овец и 20 коз, которых будут содержать у

родителей невесты в с. Алдын-Булак. Обычно скот в дальнейшем используется хозяевами для покрытия значительных семейных расходов (животных забивают, мясо продают и выручают деньги). Всем членам семьи (жене, мужу и их двоим детям) каждому мама жены подарила тон — традиционные халаты из овчины, которые она сама сшила.

После выступлений старших, самых близких родственников молодожены вышли на центральную площадку и станцевали вальс под песню Love Me Like You Do английской певицы и композитора Элли Голдинг из американского фильма «Пятьдесят оттенков серого» (2015). В завершение танцевальной композиции они зажгли свечки. Затем пригласили своих родителей и подарили им букеты цветов и благодарственные письма в рамках. Отцу невесты молодожены подарили сенокосилку.

Далее для поздравлений приглашались сначала родственники жениха, а потом — невесты. После этого шли музыкально-танцевальные номера. Молодежь устроила танцевальные соревнования, которые называются «батлы» (от англ, battle ‘битва'), между подружками невесты и друзьями жениха под западные дискотечные композиции. Невеста бросала свой букет подружкам на счастье.

В завершение церемонии на центральное место вынесли праздничный свадебный торт, которые молодожены торжественно разрезали и надкусили, остальные куски затем получили гости.

Описанная свадьба довольно типична для современных тувинцев, особенно жителей столицы республики. Проанализируем этот тип обрядности в свете нашего социокультурного анализа.

Свадебная обрядность для социальной презентации

Рассмотренная нами свадьба представляет собой некую «мешанину» из европеизированных правил (платья, костюмы), советского наследия (плакаты с пожеланиями на стенах), а также совсем новых западных заимствований (одинаковые платья подружек невесты, специальный танец молодых, свадебный торт), но с привлечением буддийских элементов (определение даты по буддийскому календарю, молитва в хурээ). Из традиционной обрядности в современную перенесены

некоторые формы: предсвадебные обряды сватовства, символические почетные подарки в виде курдюков, путь невесты до места проведения свадьбы, благопожелания, сбор приданого.

В 1990-е гг. впервые брачующиеся тувинцы стали использовать в свадебной одежде национальные элементы одежды, а наиболее смелые даже полностью одеваются в национальную одежду: и жених, и невеста. Но поскольку редко какая девушка может отказаться от пышного белого платья и желания почувствовать себя принцессой в такой особенный день, то часто в день свадьбы на одну часть церемоний невеста одевает национальную одежду — шелковый халат, не всегда выгодно подчеркивающий фигуру, а для другой части переодевается в белое приталенное одеяние с пышной юбкой и кружевами.

Очевидными заимствованиями из современной западной культуры стали в том числе порой проводимые девичники и мальчишники, одинаковые наряды подружек невесты, бросание букета невесты, вальсы молодоженов, а также церемония разрезания торта. Исследователи современного состояния, например, армянских свадеб пишут, что обряд разрезания торта в какой-то мере перенял элементы обряда забивания быка, который был важной частью традиционной свадебной обрядности армян в прошлом [Шагоян 2004: 210-226]. Возможно, для тувинцев такую параллель можно провести с обрядом чырык ызыр- чыр, чырыктажыр ‘надкусывание уголка' . Однако в целом в этой смеси заимствований, чужеродных элементов, особенно в городской свадьбе, старые традиции и сами по себе приобрели иной, порой гипертрофированный, вид.

Современные свадебные церемонии тувинцев созвучны с тем, что организуется и проводится во многих национальных республиках. Несмотря на то, что тувинцы ориентированы на буддийское вероисповедание, а народы Дагестана — мусульмане, мы видим много совпадений в свадебных церемониях [Алимова, Мусаева, Магомедханов 2013]. В том числе и исследователи сожалеют, что современные свадьбы перестали быть тем красочным театрализованным фольклорно-обрядовым действом, каким были они даже всего 30-40 лет назад [Алимова, Мусаева, Магомедханов 2013: 197].

Свадьба современных тувинцев, проведенная по всем правилам, с приглашением большого числа родственников, требует значительных усилий и материальных затрат. Семья, устроившая свадьбу, надеется, что сможет вернуть потраченные средства за счет денег, которые гости приносят на свадьбу и

дарят. Сумма денежных даров обычно разнится в зависимости от близости к молодоженам, статуса дарящих: друзья, коллеги, дальние родственники кладут в конверт 1-2 тыс. руб., близкие могут дарить до 10 тыс. и больше. Рядом со столом молодоженов усаживаются специально назначенные две женщины-«кассира» — выбранные родственницы со стороны жениха и невесты. Их главная задача — принимать подарки и деньги молодоженам, фиксируя все в тетради. Хотя название «кассир», безусловно, — заимствование из русского языка, подсчетами приданого и подарков стороны занимались и в традиционной обрядности, поэтому люди с подобными функциями не являются чем-то необычным, новым. В конце свадьбы все подарки и деньги пересчитываются сообща, порой неоднократно, чтобы избежать потерь, неправильных записей и возможных претензий, и затем передаются хозяевам торжества.

Далеко не всегда удается с помощью даров собрать сумму, которая покроет расходы на свадьбу. Тем не менее для современных тувинцев организация таких торжеств очень важна и представляет собой некое статусное мероприятие, когда необходимо показать другой стороне — кудагаям (тувинское слово кудагай ‘сват' с русифицированным окончанием и соответствующим склонением) — своих родственников, их достаток, возможности, положение в обществе. Как пишут исследователи дагестанских свадеб, там свадьба — это не только обряд, но и признак, индикатор социального и имущественного статуса брачующихся, способ их самовыражения в обществе, своего рода откуп за то, чтобы не упрекнули, что свадьба прошла «не на уровне» [Алимова, Мусаева, Магомедханов 2013: 198]. Поэтому перед свадьбой нередко родные жениха и невесты специально объезжают своих самых важных родственников, встречаясь лично, даже с символическими подарками и обговаривая с ними обязательное присутствие на свадьбе.

Суммы общих затрат на свадьбы в Туве в целом могут варьироваться и начинаться от 500 тыс. рублей — в зависимости от масштабов торжества. Разумеется, такие суммы далеко не все могут себе позволить собрать и потратить. Большинство свадеб оплачивают родители, хотя в последние годы появилась и тенденция самостоятельной организации и оплаты расходов самими молодоженами с помощью кредитов, как мы и описали выше. Порой такой шаг оборачивается большими сложностями. Бывали случаи, когда молодожены после пышных дорогостоящих церемоний разводились через год, а сторона невесты

продолжала возвращать кредит на столь пышную церемонию. Осознавая тяжелое финансовое бремя и не перекладывая его на родителей, определенное число семейных пар продолжают жить в гражданском браке, растя детей и не устраивая свадеб. Они даже могут расписываться в ЗАГСе без торжеств и стараются не уступать давлению родственников проводить расточительные торжества.

Так, главной проблемой тувинских свадеб сегодня называется значительная стоимость расходов на свадьбу, которая обусловлена в том числе запросами сторон друг перед другом, желанием «не ударить в грязь лицом», показать возможности своего рода или, по выражению С. Ч. Донгак, нездоровый дух соперничества, который устраивают будущие сваты по отношению друг к другу, начиная уже в период сватовства [Донгак 2012: 69] (см. также о проблемах соперничества [Ламажаа, Намруева 2018]).

С ней связана и другая проблема — проблема подарков в виде бараньих курдюков. Это, пожалуй, единственный вид подарка, понятный и вспоминаемый как традиционный тувинцами всех районов. И несмотря на то, что в действительности его мало кто употребляет (молодежь вообще не знает, для чего он нужен), его символическое значение как почетного дара стало настолько распространенным, что без него не обходятся ни на одной свадьбе. Как пишет С. Ч. Донгак, количеством поднесенных курдюков оценивается «богатство» жениха и «уважение» его к будущим родственникам [Донгак 2012: 67]. А поскольку каждый ужа получается из одного заколотого барана, то очевидно, что для свадебных даров бараны закалываются порой десятками и исследователь призывает остановить эту «пагубную, принимающую характер эпидемии (совершенно беспричинной!), кампанию по убою скота» [Донгак 2012: 69].

Эти крайности (соревновательность, расточительность) в том числе высмеиваются в спектакле «Чавагазын салбактацар. Свадьба кочевников» в постановке калмыцкого режиссера Б. Манджиева, который в том числе открыл осенью 2019 г. 84-й театральный сезон Национального музыкально-драматического театра Республики Тыва им. Виктора Кок-оола. Сюжет фольклорного действа о традиционной свадебной обрядности начинается со спора родителей парня и его бабушки с дедушкой о том, какую свадьбу следует организовать сыну — внуку.

Помимо этого, проблемами для современных свадеб тувинцев признаны значительный отход от традиционности и чрезмерное

употребление на застольях алкогольных напитков. В июле 2019 г. в Центре тувинской традиционной культуры и ремесел прошел семинар-практикум ведущих семейных праздников, на котором обсуждались эти проблемы. После дискуссий участники решили составить список рекомендаций для ведущих (тамада), в число которых вошли рекомендации: не использовать «Свадебный марш Мендельсона» при имитации регистрации и на свадьбах в банкетных залах, заменив ее на запись песни «Иорээл» Тувинского национального оркестра (обязательно согласовывая с ним использование записи); использовать традиционные обряды, например, расплетание-заплетание кос невесты; не призывать к распитию алкогольных напитков. Также было решено рекомендовать сторонам брачующихся не делать подарки в виде алкоголя, не дарить больше одного курдюка (только родителям невесты) и пр.[3]

Так, свадебная обрядность тувинцев начала XXI в. стала выполнять во многом функции социальной презентации. Мы не говорим о скромных мероприятиях молодых, предпочитающих гражданский брак или регистрацию в ЗАГСе. Мы акцентируем внимание на распространившейся традиции свадебных обрядов как торжеств с застольем с участием большого числа родственников, друзей, коллег, в целом обходящихся весьма недешево, сопровождающихся указанными крайностями.

Свадебная обрядность тувинцев за более чем вековую историю ее изучения претерпела значительные изменения и утратила прежние функции, превратившись из семейного праздника, проводимого по установленным веками правилам, в некое театрализованное действие. Современные свадьбы в Туве много критикуют сегодня, в их проведении отмечаются проблемы, исследователи, работники культуры и правительство призывают вернуться к традициям.

Тем не менее, изменения свадебной обрядности прошли длительный путь, сопровождая общие социокультурные трансформационные процессы тувинского общества, и обычными указаниями и запретами процесс вспять не вернуть. Конечно, для самих семей это в первую очередь праздник, который хочется провести именно так, как представляется самим молодым, их родным. Поэтому сложившая на сегодня практика

3. Хомушку Виктория. В Туве ведущие семейных праздников откажутся от частого «взбадривания» гостей к алкогольным возлияниям [электронный ресурс] // ИА Туваонлайн. 8 июля 2019 г. URL: https://www.tuvaonline.ru/2019/07/08/v-tuve-veduschie-semeynyhprazdnikov-otkazhutsya-ot-podbadrivaniya-gosteysemeynyh-banketov-k-chastym-alkogolnymvozliyaniyam.html (дата обращения: 10.11.2019).

проведения свадебных обрядов, несмотря на призывы активистов, рекомендации работников культуры, призывы местного правительства, продолжается и в целом отражает изменившуюся жизнь тувинцев — с остатками традиций, после советского периода, в условиях глобализации и вестернизации.

Литература

Айыжы 2005 —Айыжы Е. В. Свадебная обрядность тувинцев Кобдоского аймака Монголии // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: мат-лы VII Междунар. конф. (19-23 сент. 2005 г., г. Кызыл): в 2 т. / отв. ред.: В. И. Лебедев. С. О. Ондар. Ю. Г. Полу- лях. Т. 2. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН. 2005. С. 16-20.

Алимова. Мусаева. Магомедханова 2013 — Алимова Б. М., Мусаева М. К., Магомедха- нов М. М. Современная дагестанская городская свадьба // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде’ СПб.: МАЭ РАН. 2013. С. 176-205.

Заключение

1. Африканов 1890 —Африканов А. М. Урянхайская земля и ее обитатели // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1890. Т. 21. № 5. С. 34-59.
2. Бичелдей 2009 — Бичелдей К. А. «Золотой век» тувиноведения и перспективы развития гуманитарных исследований в Туве // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 48-55.
3. Биче-оол 1970 — Биче-оол С, М. Новый быт в тувинской деревне // Ученые записки. Выи. XIV. Кызыл: Тип. управл. по печати при Совмине ТувАССР. 1970. С. 26-38.
4. Биче-оол 1974 —Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими
5. ru/2019/07/08/v-tuve-veduschie-semeynyh- prazdnikov-otkazhutsya-ot-podbadrivaniya-gostey- semeynyh-banketov-k-chastym-alkogolnym- vozliyaniyam.html (дата обращения: 10.11.2019).
преобразованиями в Туве: дисс. … канд. ист. наук. Л.. 1974. 195 с.

6. Биче-оол 2018 — Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан: Журналист. 2018. 128 с.
7. Вайнштейн 1961 — Вайнштейн С. II. Тувин- цы-тоджинцы. М.: Наука. 1961. 222 с.
8. Грумм-Гржимайло 2007 — Грумм-Гржимай- ло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX вв.). М.: Слово. 2007. С. 496-639.
9. Донгак 2011 —Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулал- дары. Традиции тувинской свадьбы. Кызыл: Аныяк. 2011. 80 с.
10. Донгак 2012 —Донгак С. Ч. Тыва куда ёзулал- дары. Традиции тувинской свадьбы. 2-е изд. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 2012. 72 с.
11. Катанов 2011 — Катанов Н. Ф. Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской Академии Наук и Императорского Русского Географического Общества / иодг. А. К. Кужугет. Кызыл: ТИТИ при Правительстве РТ. 2011. 384 с.
12. Кенин-Лопсан 2006 — Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 2006. 232 с.
13. Кон 2007 — Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 4. Урянхайский край: перекресток мнений (конец XIX — начало XX в.). М.: Слово. 2007. С. 348-547.
14. Кужугет 2006 — Кужугет А. К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 2006. 320 с.
15. Курбатский 2001 —Курбатский Е. Н. Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 2001. 463 с.
16. Ладыгин 2003 — Ладыгин В. Ф. Этнографический очерк // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX — начало XX века) / иодг. текстов, предисл. и коммент. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во. 2003. С. 53-55.

17. Ламажаа 2010 — Ламажаа Ч. К. Тувиноведение: область знания и социальная миссия [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 17-33. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/472 (дата обращения: 10.01.2019).
18. Ламажаа. Намруева 2018 — Ламажаа Ч. К, Намруева Л. В. Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 206-226. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/778 (дата обращения: 10.01.2019). DOI: https://doi.org/10.25178/nit.2018.211
19. Потапов 1969 — Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 1969. 401 с. Райков 1898 — Райков М. II Отчет о поездке к верховьям реки Енисея, совершенной в 1887 г. // Известия Императорского русского географического общества. Т. XXXIV. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1898. С.447-448.
20. Сиянбиль М.. Сиянбиль А. 2000 — Сиянбиль М., Сиянбиль А. Традиционный тувинский костюм (История. Символика). Кызыл: Тип. Госкомпечати и масс. инф. РТ. 2000. 72 с.
21. Ховалыг 2018 — Ховалыг Р. Б. Тувинская традиционная одежда. Новосибирск: Наука. НОПО Союза писателей России. 2018. 336 с.
22. Шагоян 2004 — Шагоян Г. Традиционное «забивание быка» и современное «разрезание торта» в армянской свадьбе // Хлеб в народной культуре / отв. ред.: С. А. Арутюнов. Т. А. Воронина. М.: Наука. 2004. С. 210— 226.
23. Шараева 2019 — Шараева Т. II «И откуда Ваши сваты?» (реалии и ментальные образы пространства в свадебном обряде калмыков) [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 135-148. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/870 (дата обращения: 10.12.2019). DOI: 10.25178/ nit.2019.311
24. Юша 2018 — Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Наука. 2018. 400 с.
25. Яковлев 2007 — Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 5.

Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). М.: Слово. 2007. С. 202-253.